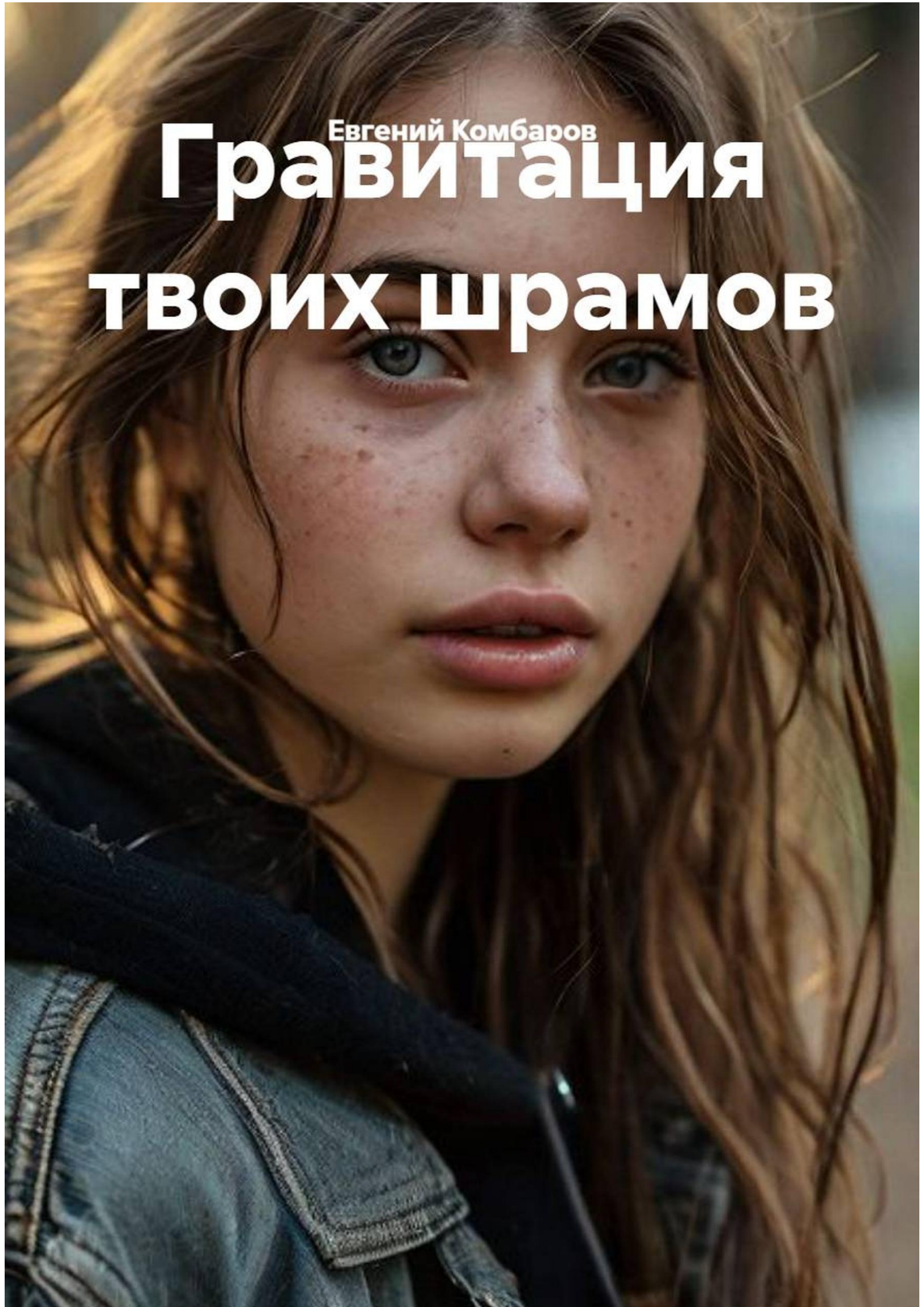

Евгений Комбаров

Гравитация твоих шрамов

Евгений Комбаров

Гравитация твоих шрамов

«Автор»

2026

Комбаров Е.

Гравитация твоих шрамов / Е. Комбаров — «Автор», 2026

Аня разучилась чувствовать жизнь. Семнадцать лет, «тихая и способная», а внутри — пустота. Она улыбается, когда нужно, но каждую ночь плачет в подушку. Её не понимают родители, парни видят лишь оболочку, а школа — гонка без финиша. Аня не мечтает. Она существует. Дан — злой на весь мир. Его выгнали из прошлой школы. Он носит чёрное, курит в парке и смотрит на всех с презрением. У него тоже есть шрамы — видимые и невидимые. Он не верит в людей. В себя — тоже. Они встречаются в парке, когда оба думают об исчезновении. И узнают друг в друге ту же боль. Их шрамы создают гравитацию — тяжелую, невидимую силу, которая не даёт окончательно упасть. Это история о выгорании, экзистенциальной пустоте и одиночестве в толпе. О том, как трудно сделать шаг навстречу, когда не доверяешь никому. О том, что иногда достаточно одного человека, который просто видит тебя настоящего. Они не исцелят друг друга волшебным образом. Но, может быть, научатся жить со своими шрамами вместе.

© Комбаров Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Невесомость	5
Глава 2. Похмелье уязвимости	8
Глава 3. Анатомия молчания	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Евгений Комбаров

Гравитация твоих шрамов

Глава 1. Невесомость

Я разучилась чувствовать гравитацию.

Не в физическом смысле — ноги всё ещё касаются земли, тело всё ещё весит свои пятьдесят два килограмма, и если я споткнусь, то упаду. Всё по законам Ньютона.

Но внутри — пустота. Такая, что кажется, если я не буду держаться за что-то руками, меня просто унесёт в небо. Как воздушный шар, который забыли привязать.

Мне семнадцать. И я не знаю, зачем просыпаюсь по утрам.

7:00.

Будильник звонит в четвёртый раз. Я лежу и смотрю в потолок. На нём трещина — тонкая, как паутина, идёт от угла к люстре. Мама обещала покрасить прошлым летом. Не покрасила.

Встаю. Зеркало в ванной показывает девушку с тёмными кругами под глазами. Я улыбаюсь ей. Получается криво, как всегда.

«Улыбайся чаще, солнышко, — говорила бабушка. — Красивая улыбка — это всё, что нужно девушке».

Я улыбаюсь. Но красивее не становлюсь.

8:30.

Школа. Коридор пахнет дешёвым парфюмом и хлоркой. Вокруг шум — кто-то смеётся, кто-то кричит, кто-то листает ленту в телефоне. Я иду сквозь этот шум, как сквозь воду. Он обтекает меня, не касаясь.

— Эй, Аня! — машет рукой Милана. — Видела, Димка с Машкой расстался?

— Ага, — говорю я. — Видела.

Я не видела. Мне всё равно. Но если я скажу это вслух, Милана посмотрит на меня так, будто я инопланетянка. Поэтому я киваю, улыбаюсь криво и иду дальше.

На перемене мальчики из параллельного класса обсуждают футбол. Один из них — Артём — смотрит на меня. Я чувствую его взгляд спиной. Оборачиваюсь. Он отворачивается, но я успеваю заметить, как он усмехается. Не зло. Скорее — равнодушно. Как будто я — экспонат в музее, который он уже видел.

Я не интересна ему. Не интересна никому.

Парни в моём возрасте видят во мне либо «ту, с которой можно встречаться», либо «ту, с которой нельзя». Третьего не дано. Мой внутренний мир — это книга на языке, который никто не хочет учить.

14:00.

Обед. Я сижу одна в столовой. Не потому что меня никто не позвал — позвали. Но там, за тем столом, нужно смеяться над шутками, которые не смешные. Нужно обсуждать людей, которых я не знаю. Нужно быть «нормальной».

Я устала быть нормальной.

Достаю телефон. Листаю ленту. Девочка из моего города выложила фото: она в Париже, улыбается, держит круассан. Подпись: *«Жизнь прекрасна!»*

Я смотрю на свои руки. Они лежат на столе, неподвижные. Мне хочется крикнуть: *«А моя — нет! Моя жизнь не прекрасна! Моя жизнь — это серая стена, и я бьюсь об неё головой каждый день!»*

Но я не кричу. Я ставлю лайк под фото девочки из Парижа.

Потому что так принято.

16:00.

Дома. Мама на кухне, режет овощи. Папа в кабинете, работает за компьютером. Я прохожу мимо — никто не поднимает голову.

— Как в школе? — спрашивает мама, не оборачиваясь.

— Нормально, — говорю я.

— Уроки сделала?

— Ещё нет.

— Сделай потом.

Вот и весь наш разговор за день.

Я захожу в свою комнату, закрываю дверь. Сажусь на кровать. Смотрю в стену.

Зачем я здесь?

Не в комнате. В жизни.

Мне семнадцать. Через год экзамены. Потом университет. Потом работа. Потом пенсия. Потом смерть.

Я не хочу так жить. Но я не знаю, как жить иначе.

В интернете пишут: *«Найди своё призвание! Следуй за мечтой!»*

У меня нет мечты. У меня есть только усталость. Такая, что кости болят. Такая, что кажется — если я закрою глаза, то больше не открою. И это будет облегчением.

19:00.

Я выхожу на улицу. Просто иду. Без цели.

Вечер. Фонари горят тускло, как будто им тоже лень. Под ногами шуршит листва — октябрь, город умирает до весны.

Я думаю о том, что чувствую себя призраком. Я есть, но меня нет. Я хожу, говорю, ем, сплю — но всё это делает кто-то другой. Не я. Я где-то глубоко внутри, запертая в клетке, и кричу, но меня никто не слышит.

Родители думают, что у меня всё хорошо. Учителя думают, что я «тихая, но способная». Девочки думают, что я «странный». Мальчики думают, что я «ничего особенного».

Никто не знает, что я каждую ночь плачу в подушку. Не потому что случилось что-то плохое. А потому что не случилось ничего хорошего. И не случится.

20:30.

Я сижу на скамейке в парке. Холодно. Куртка тонкая, но мне всё равно.

Телефон вибрирует. Сообщение от мамы: *«Ты где? Ужин готов».*

Я не отвечаю.

Смотрю на небо. Звёзд не видно — город засветил их своими огнями. Даже небо здесь фальшивое.

«Может, я просто исчезну? — думаю я. — Растворюсь. И никто не заметит. Мир станет даже легче без меня».

Это страшная мысль. Но она приходит всё чаще. Как старый друг, который заходит в гости без приглашения.

21:00.

Я встаю. Пора идти домой. Пора ужинать. Пора делать уроки. Пора жить дальше.

И тут я вижу его.

Парень. Стоит у фонаря. Одет во всё чёрное — куртка с капюшоном, джинсы, кеды. Волосы тёмные, растрёпанные. Лицо — в тени.

Он смотрит на меня. Не отводит взгляд.

Я замираю.

Обычно парни смотрят на меня так: оценивающе, равнодушно, с лёгкой усмешкой. Но он смотрит иначе. Как будто видит меня. Настоящую. Не ту, что улыбается криво в зеркале. Не ту, что кивает Милане. А ту, что плачет в подушку.

Он делает шаг вперёд.

— Ты тоже не хочешь домой? — спрашивает он.

Голос низкий, хриплый. Не дружелюбный. Но и не злой. Просто... уставший. Как мой.

Я не отвечаю. Не знаю, что сказать.

Он подходит ближе. Я вижу его лицо — бледное, с тёмными кругами под глазами. Такие же, как у меня. В глазах — что-то, что я узнаю сразу. Это боль. Та самая, которую не видно снаружи.

— Я тоже, — говорит он. — Не хочу.

Он садится на скамейку рядом. Не слишком близко. Но и не далеко.

— Меня зовут Дан, — говорит он. — А тебя?

Я молчу. Потом тихо:

— Аня.

Он кивает. Смотрит вперёд, на пустую аллею.

— Знаешь, Аня, — говорит он, — я сегодня думал о том, что если бы я мог просто исчезнуть, мир бы даже не заметил.

Моё сердце пропускает удар.

Потому что я думала о том же самом. Сегодня. Только что.

Я смотрю на него. На его профиль, на сжатые губы, на руки, которые сжимают края куртки так, будто он держится за них, чтобы не упасть.

И впервые за долгое время я чувствую... не облегчение. Не счастье. Но что-то похожее на гравитацию. Как будто я наконец-то не улетаю в пустоту. Как будто есть что-то, что держит меня на земле.

— Я тоже, — шепчу я. — Думала.

Он поворачивается ко мне. В его глазах — что-то, чего я не видела ни у кого раньше. Понимание. Без слов. Без жалости. Просто... понимание.

— Тогда, может, — говорит он тихо, — мы не исчезнем сегодня? Хотя бы сегодня.

Я смотрю на него. И впервые за много месяцев я не чувствую себя одной.

Рядом со мной сидит парень, который тоже сломан. Который тоже не хочет жить. Который тоже не понимает, зачем всё это.

Но он здесь. И я здесь.

И, может быть, этого достаточно. Хотя бы на сегодня.

Глава 2. Похмелье уязвимости

У уязвимости есть побочный эффект. Его называют «похмельем уязвимости».

Это когда ты открываешь кому-то свою душу, а на следующее утро просыпаешься с диким желанием сбежать в другую страну, сменить имя и стереть себе память.

Я просыпаюсь с этим чувством.

Солнце бьет в глаза. Телефон показывает 7:15. Я лежу и смотрю в потолок. Трещина над люстрой всё еще там.

«Вчерашнее было ошибкой», — шепчет мой мозг. «Ты показала ему слабость. Ты призналась, что думаешь об исчезновении. А он? Он просто парень в черной куртке. Что ты о нем знаешь? Ничего. Он может оказаться маньяком. Или наркоманом. Или просто пожалел тебя, а теперь смеется над тобой с друзьями».

Я закрываю глаза. Логика говорит мне забыть этот вечер. Вернуться в свою безопасную, серую скорлупу. Быть невидимой. Быть нормальной.

Но есть одна проблема.

Где-то в районе солнечного сплетения у меня поселился тяжелый, тягучий магнит. Он тянет меня вниз, к земле, к тому парку, к той скамейке. К Дану.

Это бесит. Это пугает. Я не хочу ни к кому тянуться. Люди — это больно. Люди — это разочарование.

Я встаю, умываюсь холодной водой и надеваю свою лучшую маску: безразличие.

10:00.

Школа. Вторая перемена.

Я иду по коридору, прижимая к груди учебник по истории. Вокруг шум, гам, чей-то смех. Я смотрю под ноги, считая плитки на полу. Раз, два, три...

— Аня! — окликает меня Милана, поравнявшись со мной. — Ты чего такая бледная? Заболела?

— Не выпалась, — бормочу я, не поднимая глаз.

— Понятно. Слушай, а ты видела нового парня из 11-го? Дан вроде зовут. Говорят, его из прошлой школы выгнали за драку. Смотрит на всех как на дерьмо. Жуть.

Моё сердце делает резкий, болезненный кувырок.

Дан.

Я поднимаю голову.

Он стоит в конце коридора, прислонившись к стене. На нем всё та же черная куртка, капюшон небрежно откинут назад. Вокруг него будто невидимый вакуум — никто не подходит близко, все обходят стороной.

Он смотрит прямо на меня.

Вчера в темноте парка его взгляд казался теплым. Сейчас, при свете ламп дневного освещения, он выглядит жестким, колючим. Как стекло, в которое больно врезаться.

«Сделай вид, что не знаешь его», — кричит мой страх. «Отвернись. Пройди мимо. Докажи, что ты ничего не чувствуешь».

Я отвожу взгляд. Резко, почти грубо. Смотрю на Милану.

— Пойдем, — говорю я. — У нас физика.

Я прохожу мимо него. Мимо Дана.

И каждый шаг дается мне так тяжело, будто я иду по дну океана. Воздух становится густым. Гравитация его взгляда давит на спину, тянет меня назад, заставляет обернуться.

Обернись. Просто обернись.

Но я не оборачиваюсь. Я сжимаю учебник так сильно, что костяшки пальцев белеют.

15:30.

Уроки закончились. Я не иду домой. Дом — это тишина, в которой слишком громко звучат мои собственные мысли.

Я поднимаюсь на третий этаж, в старое крыло школы, где сейчас идет ремонт. Здесь пахнет пылью, краской и заброшенностью. Здесь почти никого нет.

Я сажусь на подоконник широкого окна, смотрю на серый двор. Мне нужно просто посидеть в тишине. Успокоить этот дурацкий магнит внутри груди.

Слышу шаги. Тяжелые, ленивые.

Я замираю.

Шаги останавливаются. Я медленно поворачиваю голову.

Дан стоит в дверном проеме. Руки в карманах. Лицо непроницаемое.

Мы смотрим друг на друга. Тишина между нами натягивается, как струна, готовая лопнуть.

— Ты здесь прячешься? — спрашивает он. Голос хриплый, без вчерашней мягкости. С легкой издевкой.

— А ты? — парирую я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Он усмехается. Усмешка кривая, недобрая.

— Я не прячусь. Я просто не хочу видеть лица этих идиотов.

Он делает шаг внутрь. Потом еще один. Останавливается в паре метров от меня. Не подходит ближе. Словно боится, что если подойдет, то что-то случится.

— Ты вчера... — он начинает, но резко обрывает фразу. Сжимает челюсть. Смотрит в окно. — Вчерашнее было ошибкой.

Моё сердце падает куда-то в желудок. Вот оно. Отказ. Стена, которую он только что воздвиг.

— Ошибкой? — тихо переспрашиваю я.

— Да. — Он поворачивается ко мне, и в его глазах я вижу злость. Но злость не на меня. На себя. — Не думай, что теперь мы друзья. Или что я буду тебя жалеть. Мне не нужны твои проблемы, Аня. И тебе не нужны мои. Мы просто два придурка, которые пересеклись в темноте. Всё.

Он говорит это так жестко, так отталкивающе, что мне хочется заплакать. Хочется встать, хлопнуть дверью и уйти. Доказать ему, что мне всё равно. Доказать себе, что я сильная.

Но я смотрю на его руки. Они сжаты в кулаки. Он напряжен, как сжатая пружина. Он ждет, что я убегу. Он *хочет*, чтобы я убежала, потому что тогда он снова будет прав: *все уходят, все бросают, я никому не нужен*.

И в этот момент я понимаю.

Его злость — это не стена. Это крик о помощи, замаскированный под агрессию. Его «уходи» означает «докажи мне, что ты не уйдешь».

Гравитация внутри меня пульсирует. Она тянет меня к нему. Не потому что он милый. Не потому что он романтичный. А потому что он единственный человек в этом мире, который не пытается меня «исправить». Он просто показывает мне свою боль и ждет, выдержи ли я её.

Я не встаю с подоконника.

Я смотрю ему прямо в глаза. В эти темные, уставшие глаза.

— Я никуда не уйду, Дан, — говорю я тихо. Но в этой тишине больше силы, чем в любом крике. — И мне не нужна твоя жалость. Мне просто... не хочется быть одной.

Он замирает. Его кулаки медленно разжимаются.

Он смотрит на меня так, будто я только что сказала что-то на языке, который он забыл, но смутно помнит. В его глазах мелькает что-то — страх, удивление, и крошечная, почти незаметная надежда.

Он медленно выдыхает. Плечи чуть опускаются.

Он не подходит ближе. Но и не уходит.

Дан молча сползает по стене и садится на пол, прямо на пыльный бетон. Откидывает голову назад, закрывает глаза.

— Тут сквозит, — бормочет он, не открывая глаз. — Закрой окно.

Я не отвечаю. Но спрыгиваю с подоконника и закрываю створку. Щелчок замка звучит в тишине как выстрел.

Я не сажусь рядом с ним. Я сажусь на подоконник с другой стороны комнаты. Между нами три метра пыли и бетонного пола.

Но мы оба знаем: эти три метра уже ничего не значат.

Гравитация захватила нас. Мы можем злиться, можем отталкивать, можем делать вид, что нам всё равно. Но мы уже не улетаем в пустоту. Мы привязаны друг к другу невидимой, тяжелой нитью.

И, кажется, ни один из нас больше не хочет её обрывать.

Глава 3. Анатомия молчания

Прошло три дня с тех пор, как мы заключили наш молчаливый пакт о ненападении в заброшенном крыле. Теперь это стало ритуалом. Последний урок, звонок, и мы оба, словно по негласной договоренности, сворачиваем в коридор, ведущий к старой лестнице.

Наше убежище пахнет старой бумагой, пылью и сыростью. Здесь нет камер, нет учителей, нет Миланы с её бесконечными сплетнями и идеальными сторис, от которых у меня начинает болеть голова. Здесь есть только мы. И тишина, которая с каждым днём становится всё тяжелее.

Я сижу на своём подоконнике. Дан — на полу, прислонившись спиной к стене. Между нами те же три метра. Но теперь это расстояние кажется мне физически болезненным.

Я смотрю на его профиль. Он крутит в пальцах потёртую зажигалку. *Щёлк. Щёлк. Щёлк.* Огонёк вспыхивает и гаснет, вспыхивает и гаснет.

В моей голове крутится одна и та же мысль, бьётся о череп, как птица в клетке. *Скажи ему. Просто скажи.*

Я хочу рассказать ему, как вчера вечером я стояла на балконе девятого этажа. Как я считала машины внизу и думала о том, сколько времени займёт падение. Как мне хотелось просто шагнуть вперёд, чтобы наконец-то заглушить этот непрерывный, тошнотворный шум в голове, который шепчет: *«Ты никчёмна. Ты обуза. Тебя никто не любит».*

Я открываю рот. Воздух обжигает горло.

— Дан... — мой голос звучит хрипло, чужеродно.

Он замирает. Зажигалка гаснет в его руке. Он медленно поворачивает голову, и в его взгляде — настороженность хищника, который ждёт удара.

— Что? — бросает он коротко.

Я смотрю в его тёмные глаза и... всё. Слова рассыпаются в прах. Как я могу это произнести? Как я могу сказать: *«Мне так больно, что я не знаю, как дышать»*? Он подумает, что я жалуюсь. Или, что ещё хуже, испугается и сбежит. Люди всегда сбегают, когда видят настоящую, гниющую изнутри душу.

— Ничего, — тихо говорю я, опуская взгляд. — Просто... который час?

Дан хмыкает. Звук получается сухим, безрадостным.

— Полшестого.

Он снова щёлкает зажигалкой. Но я вижу, как напряглась его челюсть. Он тоже хочет что-то сказать. Я вижу это по тому, как он сглатывает, по тому, как его пальцы вцепляются в колени так, что костяшки белеют.

О чём ты молчишь, Дан? — кричит мой разум. Что прячется за твоей чёрной курткой? Какие демоны не дают тебе спать по ночам?

Я знаю, что он тоже носит в себе ад. Я вижу это в его синяках под глазами, в его резких, ломаных движениях, в том, как он вздрагивает, когда кто-то случайно задевает его плечо в коридоре. Но спросить об этом напрямую — всё равно что сорвать пластырь с открытой раны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.